

**Татьяна
НИКОЛАЕВА**

**Новокузнецк
2018**

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя

Татьяна НИКОЛАЕВА

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н 63

Николаева Татьяна Николаевна

Реминисценции : [проза, стихи] / Татьяна Николаева ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя. –
Новокузнецк, 2018. – 52 с. 16+

Николаева Татьяна Николаевна родилась 27 декабря 1956 года в Семипалатинске. С 1979 года – член городского литературного объединения «Гренада» (Новокузнецк), с 1980 года – активный участник областного литературного объединения «Притомье» (Кемерово), с 1984 по 1988 год – руководитель литературного объединения «Гренада».

С 2008 по 2013 год – руководитель литературной мастерской «Мастер-круг» (Новокузнецк), с 2016 года – член творческого совета журнала поэзии «После 12» (Кемерово).

Поэт, член Союза писателей России. Автор четырёх книг стихов и прозы: «Живи меня, Господи» (2002), «Где ты, потомок Первого?» (2004), «Клочок обетованный» (2006), «Вместоимения» (2013).

Вместо предисловия

К сожалению, не дождалась просимого «Предисловия» от собратьев по перу. Жалко. Я уже вышла из возраста самоутверждения, саморедакторства, сомнения. Хотелось, чтобы дистанция между мной и читателем заполнилась размышлениями вдумчивого, умного человека, тем более, что циклам стихов предшествуют дневниковые записи, и книга получается слишком напористая. Увы, предисловствовать приходится самой.

Последние годы я практически ушла в «затвор» и общалась больше с книгами, чем с живыми писателями. Этот круг общения здесь и представлен. Так сказать, – моя школа с «уроками», «переменками», размышлениями о Поэзии и вечными вопросами. Школа есть школа, для меня она, наверное, никогда не кончится.

Хочу выразить благодарность моим критикам – Владимиру Костерину, Сергею Ерофееву, Марине Черноскутовой, Владимиру Угрюмову. Пока есть горизонт, – есть куда идти. Пока есть небеса, – есть куда расти.

Внутреннее – извне

Почему, когда больно, мне так нужны стихи? Борзясь по делам, ковыряясь в огородных грядках, прыгая около жародышащей плиты, – ведь даже мысли не возникает взять в руки томик стихов и почитать. Причиной, наверное, вибрация, – не та частота восприятия. Или – чистота? Пока внутри меня, отождествляя с муравейником, гнусавит социум, бубнит реклама, лаются межпартийные идеи, – в этом шуме место ли Поэзии? Хотя Владимир Владимирович Маяковский умудрился туда вписаться. К сожалению.

Сегодня совсем завалило сменой погоды. Был бы кто рядом, – проскулила бы с ложа: «Почитай мне, пожалуйста, стихи...» Встаю, осторожно несую оловянную голову на защемлённой болью шее, останавливаюсь перед книжной полкой. Так. Кого позову сейчас?.. несвятого Георгия?.. и так тоскливо... Блока?.. мимо... Марину? – о, нет, прости!.. Мандельштам! Осип Эмильевич, мне так плохо! Поговори со мной, ты такой смешной... ты трогательный. Тронь душу...

Сначала просто лёжа перечитывала любимые циклы, потом уснула с раскрытой книгой под щекой. Проснувшись, уставилась в распахнутую страницу... «и тут Остапа понесло!»

Когда дописала стихотворение, – поняла, что от болезни не осталось и следа. За окном неистово свистели птицы, омытая ливнем листва переливалась в охре закатного солнца, на востоке громыхнул удаляющийся фронт грозы. Я благодарно поцеловала книгу. Ты – чудо, Осип Эмильевич! Жаль, что я не смогу так писать. Я даже воспринимаю твою поэзию не в полной мере, каждый раз открываю в тебе что-то новое. Сегодня открыла, что ты очень нежный. Странно, что такой человек мог быть «врагом народа». Даже врагом тирана – странно... и таких – убивают?!

Лето 2016 года

*Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.
(Осип Мандельштам)*

Почитай мне стихи Мандельштама,
из армянских, – слегка нараспев...
Помнишь? – где на рассвете упрямо
обитал жён рисующий лев?..

И ещё: где лазурною глиной
опечатаны муки земли
в книге гнойной, калёной, любимой,
где и мы меж страниц полегли?..

Или – нет: на постели горбатой,
где висят светляки с потолка,
и тяжёлой кровавою ватой
всё плывут и плывут облака

в глинобитные ставни заката...
Нет, о – нет! Это было не там!..
Но ведь было же это когда-то?
Почитай мне стихи, Мандельштам.

2016 г.

***По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.***

(Анна Ахматова)

Разве это нежность? Это нежить
в косы полнолуние вплела –
память счастья снова обезбредить
и закинуть сетью в море зла,
вызволить взволнованной пучины
пленника с жемчужиной в руке
и вернуть на берег беспричинный
от путей расхожих вдалеке.

Не поймать мне рыбку золотую, –
тремякратно всё уже сбылось:
дом души торжественно пустует,
вечностью пронизанный насквозь
от палитры свежей на мольберте
до лоскутного половичка...
и напоминает не о смерти
нежная с жемчужиной рука.

2012 г.

*И небо – словно полный невод,
где блещет рыба чешуя...*

(София Парнок)

Звёзды идут на нерест,
дыбится светом мгла.
Только опять я невесть
что от себя ждала.

Надо бы быть попроще:
кухня, рабстол, окно...
в нём догорает роща
душещипательно,

в нём люди бродят,
теплятся фонари.
Так и уютней вроде:
внешнее – изнутри.

Только душа, как птица:
в форточку, в крик «спаси...»
рвётся на помощь – биться,
плакать и голосить
сирином в поле боя,
чтобы открылось мне
раненое, живое –
внутреннее – извне.

2011 г.

*В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота...*

(Александр Блок)

Затягивает небо пеленою
ненастной, короче станут дни,
и сердце, холодея, вдруг заноеет,
когда не досчитаюсь я родни,
друзей, деревьев во дворе, событий
на каждый час, на каждый жизни миг!
Оборваны серебряные нити,
связующие переплёты книг...

Любимые с пометками страницы
листаю, и сердечный холодок
иссякнет неизбежно, растворится
от вслух произнесённых первых строк
рифмованных. И пустота едва ли
иссушит сладость долгожданных слёз...
Ну – нарождались мы, ну – умирали
и даже умудрялись жить всерьёз!

Любимые... Да, всех догонит ночь, но
свет ваших душ блаженно не угас.
Приходит осень. Жизнь уже построчно
читать и править начинает нас.
Полиственно и тополя и клёны
роняют золотые рифмы в грязь.
Поэзия идёт во время оно,
над ревностью временщиков смеясь.

2016 г.

*...и мы на перья разодрали крылья.
(Борис Пастернак)*

В снежной замети ёжась, рискуя
обестеплиться, но не спеша,
никого не винящая всеу,
затоскует о счастье душа.

О тепле, о любви затоскует,
чтобы – не проползай, а – лети!
Вот такую и только такую
помню я в середине пути.

Оглянусь, – не видна середина...
Скоро – устье и ночь над волной
океанской, где синяя льдина
испокон облюбвана мной.

Я с неё наконец-то увижу
звёздный Логос вверху и внизу,
и в безвременья хладную жижу
обескровленной болью вползу,
обесточенной нервной стихией
человечьей и правдой земной.
А на льдине плывут не стихи ли,
столько времени бывшие мной?..

2016 г.

***Блажен, кто в этот день весенний
воскликнет искренно: «Я чист!»***

(Владимир Набоков)

Вот и стаяли серые глыбы апрельского снега,
вот и дятлы по старым стволам sms-ки строчат,
а грачи загнездились в ветвях тополиного неба,
уповая на пашни и чая явленья грачат.

Переполнены лёгкие запахом вскрывшихся почек,
Вход Господен в сердца – благовест, благодать,
красота!

Но сбиваются ритмы в строке и ломается почерк:
по маршруту голгофскому скоро погонят Христа.

Вход Господен во мрак нашей зависти и неприязни,
иудейского страха и рабства златому тельцу...

Всё дано нам для жизни! А мы? Всё готово
для казни,
чтобы любящий Сын возвратился к благому Отцу.
2014 г.

*Мне страшно – ведь душа проходит,
Как молодость и как любовь.*

(Сергей Есенин)

Неймётся душе за пропиской и браком,
томится она взаперти.

Ей хочется вслед бомжеватым собакам
и птицам лететь и идти

туда, где ты можешь напиться из лужи
и выспаться на чердаке,
туда, где ты безоговорочно нужен
дождю, паутинке, реке,

и, птицу любви выпуская на волю,
уверенным быть, что она
знакома и небу, и ветру, и полю,
вздыхающему из окна,

и солнцем облизанному жеребёнку,
сосущему вымя пруда...

Там – дух бесконечности, хладный и тонкий,
там всё – навсегда, навсегда!..

Давно это было, а надо же – помню!
Тоскливо и сладко до слёз.

Но вытянуть в эти края нелегко мне
железобетонный обоз.

2011 г.

В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах...

(Георгий Иванов)

В неоне, в смоге, в неглиже реклам,
сопутствующих каждому маршруту,
в евроремонте перезрелых дам,
в риторике: «И ты?» – конечно, к Бруту,
и в «Целованьем ли?..» – Христа к Иуде,
и в «Суета сует» – Экклезиаста, –
мы это! Post-евангельские люди,
мы – этот мир сжирающая каста!

«Так женщина смеётся на балу...»,
в своих потомках прогибаясь злу,
так дети ждут подарка Дедмороза,
так Музу нищий рыцарством Поэт
ревнует к молодым на склоне лет
и с содроганьем произносит: «Роза».
2010 г.

*Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.*

(Максимилиан Волошин)

Мы под солнышком нынче маемся –
май на улице, да шмелёк жужжит...
Пробуждается тварь земная вся,
только мы заскорузли: то Бог, то жид
виноват. Так и прём, безверные,
мутно-склизкие от сомнения.
Если строго судить: наверно, мы –
предпоследнее поколение!

Брат на брата – с судом ли, с шилом ли,
меж супругами – кровь да гноище,
меж умами – идеи вшивые,
да зазрение, да вино ещё...
Хата – настезь, фундамент – кренится,
огороды взялись бурьянами,
мать родимая – словно пленница
меж убогими, злыми, пьяными –
нами... Дети – товар на торжище:
можно – оптом, а можно – в розницу,
можно даже частями. Кто ж ещё
пуще этого отморозится?!

То ль придумала эти басни я,
то ли лопнул сосуд в подкорке?

...А у солнышка очи ясные,
как у дауна возле горки. 2001 г.

***Колыбель, овеянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!***
(Марина Цветаева)

Спи, моё дитячко: ягодка, лучик
самой моей сокровенной мечты.
Крылышки веры – без ножек, без ручек –
над деньгомётной реальностью – ты...

Ты, омуток моей памяти с рыбками
детства – волшебными рыбками – спи.
Волки, пропитыми глотками рыкая,
пусть заблуждаются в злачной степи...

Ты, буревестник души моей смоговой,
спи, ясновидец, взмывая меня
в рай светоносного бога логова:
нежность воды в беспощадность огня!

Спи, мой вулканчик, впитай мои слёзки,
вздохом моим овеваемый – будь!
Этого милого мира обноски
лягут тебе пробуждением на грудь.

2009 г.

***...нам приоткрыт лишь маленький примерчик
великой тайны: собственная смерть.***

(Белла Ахмадулина)

Белые волосы зимнего вечера
ветер расчёсывает на восход.
Думать мне не о чем, делать мне нечего,
чувствовать нечем, – исход.

Я исхожу из блаженного, млечного
детства, мечтами расцветшего сплошь:
Эй, белокурая память беспечная,
ты мне веночек совьёшь?

Я исхожу... Златокудрая, юная,
долго судьбу познававшая мной,
ты не поэмы сплетаешь, не руны ли
из повилики земной?

... Тишь безответная. Зимнего холода
звёздный сквозняк не растаял в груди.
Были мы молоды, были мы молоды...
Что же, седая, гряди.

2011 г.

*А жизнь летит быстрее, чем деньги,
И всё – на ветер...*

(Инна Лиснянская)

...немножко есть. Допью, и будет классно!
Душа моя занозна, но атласна,
и каждый коготок оставил след.
Душа моя умеет быть причастной
и к снам, и к толкованиям примет.

Приметны стали признаки распада,
но не в природе! Этому я рада,
а нас ей пережить – не в первый раз
от первого завистливого гада
до четырёх раздраившихся рас.

Проплакала всю ночь. Сегодня – проще:
мой кошелёк, от соучастья тощий,
лежит на полке обувной в углу.
А сон мне был: вот бабушка полощет
бельё в реке, не сопричастной злу, –
покойная моя Анастасия...
В её судьбу вместились вся Россия
крестьянская... ко мне вот забрела,
из Рая, знамо, ибо не вкусила
Анастасия в этой жизни зла.

2016 г.

След-в-след

Зачем-то перечитала избранное Леонида Губанова «Серый конь». Наверное, – литературный голод. Как поэту мне в последнее время не с кем общаться, то есть – с живыми, зато есть «покойнички» мои возлюбленные на книжной полке. Иной раз протягиваю руку за книжкой – как нищая за куском хлеба...

Ну не люблю я Губанова! Зачем достала? Перелистываю, перечитываю строчки, когда-то помеченные мной, и – как в омут – ух! – от первой до последней страницы.

Нет, не мой поэт... но строчки, эти драгоценные строчки не дают покоя. Кружу вокруг них, как пчела на клумбе, внюхиваюсь в смыслы... вот и общение. Какой ты горький человек, Леонид! И пижонство, как сладенькая глазурь снаружи, – мол, надкуси. А я ведь люблю горькое – рябину, полынь, калбу, чеснок... Говорят, – лучшее лекарство от гордыньки. Надкусила.

А строчки уже прорастают во мне, а я уже вскакиваю по ночам и записываю... Как бы мне хотелось прочесть эти стихи тебе, Леонид. Больше никому не смогу. Не знаю, почему. Скорее всего – страх безразличия. Раньше я этим не страдала. Моим любимым на книжной полке, наверное, приятно видеть, как я «закипаю» над их стихами, как пишу на полях свои «ахи-охи» или комментарии. Мне было бы приятно быть кому-то небезразличной до такой степени.

Ты потрясающе чувствительная натура, Леонид. Наверное, поэтому к тебе и потянулась рука. Спасибо за то, что ты есть.

Январь 2017 года

*...ведь останавливали казни,
чтобы послушать голос твой.*

(Л. Г.)

Боже мой! Поэтка – это просто
кошками залапанная простынь,
мухами засиженный стакан...
Это в май покинутые гнёзда,
это – страсть, пока ещё не поздно,
это – артефактный истукан
вместо вдруг отчалившего бога...
Это по прошествии не много
от того, что мнилось нам вчера.
Всё проходит. Истина нетленна,
но живая плоть попеременно
воскрешает утра, вечера...

Боже мой! Поэтка – это вечер
первой радости от первой встречи
вопреки родительским «нельзя».
Это – первый снег на грудь и плечи,
это – если и прикрыться нечем,
в омут вечности нагой скользя...
То, что на кострах, глумясь, сжигали –
это вечно манящие дали,
вечно опостылевшая близь.
Это – грех, в котором не участен,
это миг, разодранный на части,
и проклятие: «Не оглянись!»

А она, оглядываясь, шепчет:
это наша нежность... недалече –
боль и откровенье тупика.

А она слагает и стреножит
всё, что без неё и быть не может:
ни гора, ни пропасть, ни река...

*Я душу превратил в кормушку
для очень одиноких птиц.*

(Л. Г.)

Одиночество – сизый морозный туман
городского предместья.

Не виновен никто! – я сама, я сама
убежала от лести,

и от мести сама отвернула лицо,
улыбнулась синице.

Пусть барачного детства седое крыльцо
мне сегодня приснится –

сахалинского детства. Не знала душа
ни сомненья, ни гнева:

будто баба чреватая, шла не спеша,
и ни вправо, ни влево

не косясь, не вменяя цены ничему
как запазухой – крестик...

Почему же сейчас – не пойму, не пойму! –
ум и сердце не вместе?

У кормушки твоей отревелась. Молчу.
Тихо. Дико.

Зажигаю свечу, восковую свечу –
вместо крика.

*Но только умоляю, будь потом, –
Душа, отцеловавшая отчизну!*

(Л. Г.)

Речка, реченька моя, речь,
не тебе ль, исполняясь, течь?
Не в тебя ли никто – два раза?
Ты, промышленная моя,
в ледовитые во края
иссякай, утекай от сглазу!

Продерись сквозь тайгу и скалы,
где свободы я не сыскала,
сквозь болотную топь прорвись,
да по мхам, да по гальке бурой,
всю меня соскребая шкурой,
в заполярную выйди высь.
Там, где солнечный ветер в цвет
разукрасил небесный свод, –
отпусти мою душеньку...
Ей и так уже много лет,
и она уже не поёт,
только слушает

новых реченок говорок
за родительский за порог
воровато сбежавших чадок...
Пусть журчат, пусть впитают мразь,
что на век их любви пришлась, –
будет Путь очищением сладок!

*...осеннего солнца не жалко,
осеннее сердце из шёлка!*

(Л. Г.)

У осени есть свои плюсы:

дожили до пенсии? – чудо!

Рассветы встают – иисусовы...

Закаты ложатся – иудовы...

О Боже, о Боже, о Боже!

А дети-то как? Как же внуки?!

Не бойся: просты и погожи

полудни в преддверьи разлуки.

Двоих в небеса отпустила

(мужьями звались мне, мужьями!),

в их судьбах недолго гостила,

как жертва падения – в яме.

Но стелены были соломкой

те ямы, и небо зияло...

Душе, беззащитной и ломкой,

и этого было не мало!

Зализаны раны, и слёзки

промыли глаза от испуга.

В невзрачной бытийной повозке

мы все провожаем друг друга:

кого-то в безмерные дали,

кого-то в погонные близи...

А кто не гневил, не скандалил?

А кто не стоял на карнизе?

Смешные любимые люди

с репьями и сеном в хвосте...

не понятые в Иуде,

но искренние во Христе!

Сползает дырявая шалка,
из рук выпадает иголка...
Осеннего солнца не жалко,
Осеннее сердце из шёлка!

*...ах, у эпох, как растерях, –
поэзия – всегда Морозова
от плахи до монастыря!
(Л. Г.)*

Причина творчества – любовь,
иной не будет.
Летит стрела не в глаз, а в бровь...
Окститесь, люди,
зачем так жалко тратить пыл
на безоружных,
расходовать запал толпы
на тропах вьюжных?..

По одному, по одному,
след-в-след, как волки,
внимая сердцу и уму,
под кривотолки,
под свист прагматиков, под вой
кликуш и клерков,
идут изгои мостовой,
прощаясь на передовой,
жизнь исковеркав.

Идут век-в-век, как ритм строки,
рифмуясь с вьюгой,
уже незримо-далеки,
уже друг с другом

неразрываемую связь –
сердцебиенье –
неся, ни на кого не злясь
ни на мгновенье,

благословляющие вас –
не в бровь, а в глаз!

*Соловьёв на знамёнах не надо
Вышивать, выживать нам придётся,
Как обрубленным яблоням сада,
Как загубленным ядом колодцам...*

(Л. Г.)

Прокатилась душа по судьбам поэтовым:
слёзы душат, занозы буреют ржаво,
и петля из веночка – на шее... Поэтому
так непросто порой рифмовать державу

за строку полжизни дающим! – будто
этих жизней запазухой и не меряно!
Эх, душа, ты классически не обута,
знать, в своей надмирности так уверена...

А они, похоже, тоже надмирными
бытовали по коммунальным логовам,
по баракам тюремным – сердцами лирными
под всевидящим любящим гневом Боговым.

Не гневись, Вседержитель, – твои избранные
не зарыли талант, отстрадали сущее.
И летят косяками, зияя ранами,
в перламутровых клювиках боль несущие, –

не свою! – надрывая сердца и глотки...
Упаси от петли и водки!
Вышиваю шелками, пока не ослепла...
Упаси от огня и пепла!

Памяти Леонида Губанова

Сколько паясничать надо,
сколько души изолгать,
чтобы предвестники ада
строчками пали в тетрадь!

Склёвывают по словечку
и раздувают зобы
на несусветное нечто –
смысл человеческой судьбы!

Пёрышки чёрные чистят,
лапками сердце крестя –
там, где от водки и виста
вдруг постарело дитя,

осатанело и пало
золотом листьев в овраг...
В омуте мама купала
не для того, чтобы враг

глаз этих выпил рассветы,
мутные с бодуна!
Бедное сердце поэта...
Бедная эта страна...

Семнадцать лун

Странно, что я достала с полки Парнок. Хотя не странно, что она – на моей полке. Это удивительный поэт! Особенно вкусно от русско-народности её поэтической речи (это у еврейки-то!). Всё-таки я права, утверждая, что национальность поэта определяется по языку, на котором он пишет и мыслит, а не по крови. Книгу Софии помню, и перечитывать стала только последнее десятилетие её жизни. Всё, что ранее, за редчайшими исключениями, мне равнодушно. Исключения (по пометкам) перечитала с наслаждением!

Парнок очень свободно (я бы сказала – небрежно) обращается с ритмикой стиха. Я в этом отношении педант, но её почему-то «глотаю». Мало того, попав под очарование её поэзии, в своих стихах ответного цикла «заразилась» этой небрежностью. Причём, даже мой занудный внутренний редактор, кровавая черновики, не стал трогать те угловатости, которые были в тоне диалога с Софией.

Что однозначно мне противно (было и есть) – это лесбийская окрашенность любовной лирики, наверное – самого совершенного, что было ей написано за творческие десятилетия. Эта лирика – как валун под сползающим ледником – обкатана до почти идеальной формы. О, если бы эти стихи были созданы мужчиной!.. Но. Мужчины поэты ТАК о любви писать не способны. Их восприятие интимной стороны любви много скуднее, и я это уже не раз замечала. Мужчина в этой сфере чувствует форму, формой и пишет. Женщина чувствует глубину и глубь, – палитра много богаче, хоть и сложнее, ведь женщина по естеству стыдлива, и это богатство передать в стихах смогли только «бесстыдная» Цветаева, Парнок... больше никого и не вспомню слёгу. Холодная Ахматова вообще из одежд не вылазила. Я, впрочем (не в этом ряду, конечно), – тоже. Чуть не забыла: из современниц – Вера Павлова со своим «Тысяча и одним»... хотя... как сказал один знакомый поэт, у Павловой и эротика – одежды... Настя Куприк! Вот! – вспомнила ещё одну «бесстыдницу» (из моего ряда).

Перечитав «Семнадцать лун», – уже после расправы внутреннего редактора, – я не узнала себя. Странно, но вот такой цикл стихов. Пообщалась с Софией, пока была лишена соговой связи с внешним миром. Уму не постижимо, откуда что берётся! Рождались, правились эти строки во внуковой прошлогодней тетради по музыке (бумага кончилась).

1 – 17 декабря 2017 года

*Ну а я кому – весть подаю?
Знаю, – не тебе, молодая поросьль:
Порознь взошли, да и жить нам порознь.
(С. П.)*

*А всё-таки будут отроки,
Как встарь, при луне мечтать.*

...

*И тайно водиться с музами,
И бредить, как бредили мы.
(С. П.)*

...1

... ну вот, меня в свой плен взяла София –
стареющая, сгнившая насквозь!

И я, как подмосковный простофиля,
вхожу в её чертоги «на авось»,

читаю страстью выжженные строки,
брезгливости, смущенью вопреки...

А солнце снова встанет на востоке:
его лучи пока ещё легки,

благословляя святость и пороки, –
всех без разбора, – расточая дар.

Но прожитого века сквозняки
готовят сокрушительный удар
по смыслу самой искренней строки.

... 2

Какие свежие, пленительные звуки!
Какая точная, пронзительная речь!
Её поймёшь лишь в холоде разлуки,
в разлуке лишь сумеешь уберечь.

Пусть одиночество и мне немягко стелет,
и не перины на ночь, а снега...
Сегодня прилетели свиристели,
и белые сугробы – как стога
подлунные. Твоя стихия – яд
душе, уже не знающей усад.

... 3

Ты любила ночь,
ты вживалась в тьму
запахов и проч.,
сердцу и уму
предлагала лун
звуки и цвета,
из цыганских струн
ты пила нектар,
а в дыханьи бед
ты искала страсть:
отвратиться? – нет...
утвердиться? – пасть!..
А твоей любви
прикасался свет,
Поэт?

... 4

Есть время – задачное время,
когда не решишь никак:
то ли уснуть со всеми
под смогоносный мрак,
то ли сорваться, взрывом
болотную смыть тоску –
немилосердным приливом
седины по виску?

О, где же она, золотая
тропа между тем и этим?
И сон, замерев, улетает
в ночной мишуре междометий,
и звёзды так низко висят,
когда тебе шестьдесят...

... 5

... и никуда не денешься, –
она придёт,
и одеревенело вся –
и лоб, и рот –
почувствуешь, как сводится
судьба в кавычки,
и с жизнью станут сводницами
трава да птички
над датами с тире посереди...

И никуда не денешься.
Иди.

... 6

Поджарка к перловке – морковка и лук...
Ты так стихотворен, мой юный друг!
Но это не то, и это не ты,
а кулинарности красоты:

и свежего тела, и сладкой весны.
Ты – молодости предрассветные сны –
всех тех однодневок, что, как ни сверчи,
сгорят на огне парафинной свечи.

... 7

Ты наполнила меня ядом!
А яд в малых дозах – лекарство.
В малых дозах – тебя – надо!
В малой форме – твоё – царство:
берега...

В очень малых – гомеопатия,
и воды – побольше – за сутки.
Тем опаснее, что – в закате я,
и уже улетели утки
на юга.

В день – одно лишь стихотворение –
это норма?.. но пью, как алкаш!
На глаза, на уста мои – брение:
ты поэт, ты уродец, ты наш...
и – в снега!

... 8

... поэт о поэте...
а были ли эти
прекрасные миги:
эстрада и книги,

бессонные ночи с созвездьями Слова?
А дни всё короче, и слово – не ново.

Сидит, вышивает шелками старуха.
Ей только стихи остаются для слуха,
ей только шелка остаются для взгляда,
и небо – читатель, немотство – отрада.

Поэт о поэте?
Не надо, не надо!

... 9

Сосуд скудельный – вечная тщета
то сохранить, что в нём уже прокисло:
безликие, беспамятные числа
на цифры распадаются без смысла,
а цифра ведь без слова – пустота!

И выпускаем мы любимых птиц,
и тренируем их летать попарно.
Грудная клетка рвётся от зарниц,
в ней нет замка, и тренер слова стар, но...
смеркается, и он звонит в звонок,
и вот они опять у самых ног
клюют зерно судьбы и – на шесток
в сосуд скудельный...

... 10

...доченька плохая...

Никого не хая,
я иду, сдыхая
прямо на ходу.
А декабрьский вечер
задувает свечи,
задувает светы,
к которым я иду.

Светы эти в храме.

Я молюсь о маме,
потому что доченька
я ещё пока.
Есть у мамы внучка,
правнук, – вот так штучка!
Доченька – поэтка –
горькая строка...

... 11

От злости избавиться надо ль?
О, надо! Избавь меня, Боже!
Людская душевная падаль –
на что это, Боже, похоже?..

Вон: падают, падают души,
как снег, но не белый, а чёрный,
и мир их паденьем порушен,
и каждая тварь обречённо

взирает на небо и плачет,
и кровь уже каплет из глаз...
О, Господи, что это значит?
И слово ползёт: «метастаз».

... 12

Не колышется даже ветка:
не безветрие вне, а навь.
На засове грудная клетка,
и попробуй сердце избавь,
если форточку отворяешь
и – обратно! И смотришь вглубь,
где в немотстве вопроса – я лишь...
и кому мольба: «Приголубь»?

– Что Вам помнится, что Вам снится
на последней моей странице?

То ли Богу, то ли пустыне
звёзд, разбросанных, как зерно
в безвоздушно-глухое ныне
закупоренное окно?
То ли к совести я взываю?
То ль к кому-то, кто вдруг придёт
и, страницу ту отрывая,
скажет: «Здравствуй! Я – новый год».

– Я живая ещё, живая...
Ты – тот?..

... 13

Ангел мой поднебесный, где Ты?
...я на кухне жарю котлеты.
Это пошло, но это – жисть,
мне сказали: её держись.
Я держусь. Уже одержима.
Но она проплывает мимо,

я же – умная – у плиты...
Закурю и утешусь чаем,
и – немислимо незамечаем
даже мной – подступаешь Ты.

Уплотнённый мрак суеты,
ставший вольной моей тюрьмой,
раздвигашь Ты, Ангел мой,
как всегда – печален.

... 14

... вот пью чаёк душистый у окна
с травую мятной,
и страсти inferнальная волна
мне не понятна.

Наверное, так жизнь моя проста,
тиха, убога,
что кроме воплощённого Христа
не знаю бога.

Ну а страстей волнующую тьму
не понимала я и не пойму.

... 15

Один лишь миг остался. Лишь один.
И в нем я буду раб и господин:
кастрюлям раб – кормить себя и внука,
и господин нечаянной строке,
ведь смысл её висит на волоске,
а впереди – бессрочная разлука.

Я дожую с капустой пирожок
и кофе заварю тебе, дружок,
стихи твои послушаю – помлею.

Прекрасен день, пока он есть, – любой!
Я восхищусь – талантливый – тобой
и возвращусь в печаль, смирившись с нею.

Кому нужна?.. да не печаль, а я
и Муза престарелая моя...

... 16

Надо попросту умереть,
чтоб тебя понимали впредь:
живой – досада...

и забыть, что такое дом,
чтобы помнить светло о нём –
преддверьи ада

коммунального. Надо просто
быть сознательно малого роста,
мол – дитя...

и молчать, и послушным стать
всем домашним под нрав, под стать,
хотя...

чтобы в жизни что-то посметь,
надо забыть, что такое смерть.

... 17

Семнадцать лун прошли под эти мысли
и чувства... может быть – наоборот?
И Гамаюн, и Алконост зависли
над глубиной моих – сибирских – вод.

Суровое затишье ледостава
под взглядами небесных пришлецов
сковало горло, и безмолвным стало
души отождествленное лицо.

Не скоро льда расколется стекло,
и сердце содрогнется виновато:
пока нам и уютно, и тепло
в казармах Интернета и Штрафбата.

Назваться поэтом

Как-то одна молодая литературная особа на обсуждении моей книги заявила: «Боль, боль... Я вообще не понимаю, что это за боль такая, и зачем с ней носиться! Кому это интересно?»

Я не стала объясняться. Есть вещи, о которых нельзя говорить в таком тоне, – этика не позволяет. Если же оппонент ещё не вырос в меру этики, – вступать с ним в спор глупо. Или пошло.

Никак не ответив на заявленный вопрос, я на следующий день всё-таки прокрутила в голове это понятие (боль), поскольку никогда не отделяла его от самой жизни, не абстрагировала. Сейчас же, за год перечитав своих «возлюбленных» от Чаадаева до Ибрагимова, вернулась к этой «больной» теме. В памяти всплыла картинка: «киношка» в амбаре посёлка Полётное Барановического района Брестской области. Мы всей семьёй проводили лето тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года в гостях у моей прабабушки Марии. Перед фильмом – обязательная «документалка». После достижений промышленности и сельского хозяйства показывали наводнение в Грузии: мутные горные потоки смывают мосты, жилища, людей, скот. Крупным планом – барахтающиеся в свинцовой бешеной воде овцы, их исчезающие в волнах и воронках головы с раскрытыми ртами...

Тогда я не выдержала и сбежала домой, спотыкаясь на межах, падая в траву, до крови ссадив колени и руки в темени тёплой летней белорусской ночи. Дома я упала лицом в подушку и плакала от жалости к барашкам. Когда обессилела от слёз, видение стало свёртываться в шар, который превратился в планету Земля, и она стала удаляться. Протягиваю руки, кричу, а она – всё дальше и дальше, становясь просто точкой на ночном небе, каких – миллиарды! Мне тогда было семь лет. И с тех пор я знаю, что миром правит боль. Она – точка соприкосновения жизни и смерти, Духа и Материи: родиться, вдохнуть впервые, освободиться от материнского «океана», распластаться гравитацией на «клочке обетованном» – боль! Даже, чтобы зачать – сладкая боль оргазма.

Она – одно из основополагающих в живом существе чувств. Спроси любого медика: «Что из себя представлял бы человек без болевой сигнальной системы?» Он, не задумываясь, ответит: «Нежизнеспособен!» И я не задумываюсь. Просто знаю. Срослась с этим знанием. Хотя частенько хотелось бы принять что-нибудь обезболивающее, но боюсь, что тогда я потеряю чувство любви... ЛЮБОВЬ – ЛЮБОЛЬ...

Осень 2016 года

Наталье Ибрагимовой

Нет, пока ещё осень,
но бабьего лета не жди, –
видно, бабы устали
метать перед веком заначки.
По ночам – отморозки,
по суткам – ветра и дожди,
а коль солнышко выглянет, –
дутые сладости в пачке.

У меня на столе
бронзовеет кленовый букет,
и завёлся сверчок, –
видно, я притащила с букетом.
Иногда он сверчит,
иногда засыпает в руке –
трансформирует тему любви,
соловея при этом.

Соловею-то я!
Это мне прикасанье нужно
хоть когтистою лапкой,
хоть матово-бурым хитином.
Да. Уже. Это осень:
созрело в подполье вино,
да и души созрели.
О, Господи, грешным прости нам
эти нежности сердца,
готового – хлоп! – навсегда,

эти глупости плоти –
касаться, казаться живее...
Осень, как драгоценность,
несёт в хрустале холода,
не пролив ни строки;
и бесстрастное солнце над нею
не согреет уже, лишь осветит:
вот – пыль, вот – углы...
Наша тьма не способна
прикинуться светом, и в этом
обличении мы
так беспомощны, тварны и злы,
что уже запахло
в оправданье назваться поэтом!

Приходи ко мне в гости
на чай, разговоры и мёд.
Мы умеем любить
то, что нас покидает. Немало
за сверхсрочную жизнь,
покидая, нас переломало.
Кто не жил, – не поймёт...

2017 г.

Татьяне Костериной

Пешешествую по городу,
и не то, чтоб на проезд
денег нет: я – в спазмах голода
по деталям здешних мест,
по рубцам, морщинкам, родинкам
прошлого, – маршрут-то мой!

Защемляет сердце, вроде как
из окопов – и домой.

Здесь, где нынче Йога-студия,
пионерский был кружок,
сплыл... И что же за паскудина
ликвидировал, пожёг
это царство безупречное,
эти пальчики в клею,
в краске?.. Видно, человечина
в ход пошла. Иду, плюю.

А вон там, за деревом-тополем
(молодец, старик, – живой!)
проторили мы, протопали
неудачный брачный свой
(может быть, калёным почерком
предначертанный) союз...
Десять лет то львом, то кочетом
оглашала стены уз.

На земле же всё естественным
быть должно: и Бог и быт.
А с судьбой нелёгкой сестры мы:
выживешь, коль не убит.
Коль легла под век – так слюбится,
зачала – неси свой крест.
Ты не кура, а голубица
на карнизах здешних мест.

...Не голубица, – ворона я:
гнезда выше, проще вкус,
и душа не уворована,
и не задарма – Исус!

Не с цветочками бумажными
на Голгофу, воя, шла.
Даже тем, что нужно каждому
(счастьем баб), пренебрегла.

2016 г.

Марине Черноскутовой

Просто уйти – не получится.
Даже сбежать – не дадут.
Чувствовать, помнить и мучиться –
кара, награда за труд
ежемоментальный: от первого
сердцебиенья дотла –
нервами, нервами, нервами –
на побережье стола...

Ритмом, и слогом, и рифмами
вновь прорастаю в слова,
смолкой рождения липкая,
ветвью живой от ствола
речи – неуничтожимо! –
речкой, текущей в моря...
Нет, не уйдём, не сбежим мы
с зланных страниц Словаря.

Вкусом, и слухом, и ощупью,
от нетерпенья дрожа, –
пробовать Слово... Не проще бы
тюрю нам хавать с ножа?
Кухня и ложе – не ближе ли?
Что нам неймётся – к строке?
...И в девяностые выжили
со Словарём налегке.

2017 г.

Ольге Комаровой

Это уже не вороний полёт, не сорочий.
Больше не хочется где-то на ветку присесть...
Взгляд погружается в недоумённые ночи,
Сердце сжимается в неизреченную весть.

Что мы наделали с этой смиренной планетой?
Чем оправдаемся, пылью космической став?
Ангельским клином летят к Ориону поэты,
Не оглянувшись и не размыкая уста.

Самые светлые, незамутнённые строки
Нас покидают, сливаясь на Млечном пути
В животворящего вечного Слова потоки,
Чтобы любовь до младенцев-миров донести.

Наши бесполое лица заплаканно-святы:
Кровь отлила, став и болью, и солью Земли.
Недра волнуются адским огнём для расплаты –
Тем, кто закончить любовью себя не смогли.

2014 г.

Анастасии Куприк

Жили бы – не тужили бы,
если бы не ножи.
Мы не жиловщики – жилы мы,
только ещё свежи
Раны усилий вырваться –
рваные – от ножа!
Доля земного выродца:
воля, любовь, межа,

Бреющее бряцание
цифры над словом лет...
Пробовали – скворцами – мы,
только нам места нет
В звоне чинов... Волками мы
пробовали, – флажки!..
Так в небеса и канули, –
Авели или Каины? –
Письмами от руки
«до востребования...»
2016 г.

Любови Арбачаковой

Шамань! Удержи потомков.
Чужих без тебя с лихвой...
Камлай, своё сердце скомкав
и бросив средь сизых хвой
и мхов, и прибрежных тлений,
камлай! Обрубай ступни:
над маревом поколений
вдохни выхлопных, вдохни
и взмой, яко сокол в небе,
и взвой, яко волк в тумане:
потребен, опять потребен –
бинтом на зловонной ране –
твой клёкот в груди, где предки
ещё, как часы, идут,
и нерождённые детки
выстраивают редут.

2014 г.

Таяне Тудегешевой

На эту глубину выходят не всегда.
На этой глубине – тяжёлая вода,
тяжёлая вина, тяжёлые венцы.
На этой глубине ведущие – слепцы:
идут, куда затащит или вознесёт
благодаренье всем иль ненависть за всё,
чем пренебрёг навек и отдал волне...
Как больно видеть сны на этой глубине!

...Где в высь летят киты, а чайки мечут пух
по дну, и вот он – ты, и взыскивает слух
светил вокруг глубин, глубин вокруг светил...
Но дух твой этот мир зачем-то посетил?
Замкнул и расчленил, и выбросил в века:
будь чайкой и китом, и берегом, пока
тебя не взыщет свет, или поглотит мгла
всё то, что ты в себе соединить смогла,
душа! Ты не прошла ещё? О, как мне жаль!
Укутана плащом безвременья скрижаль,
обуты в башмаки твои надежды, но
ветшает – неурочно послано – письмо
в очередное дно, в очередную высь.
И страх – не обернись!
... мы были так давно ...

2016 г.

Руслану Сидорову

Ты знаешь? – пишутся стихи...
Как странно: рифмы, лады, звуки
нечаянно, как птицы, в руки
летят, садятся, и – тихи –
как птицы, склёвывают смыслы
моих безумий... Миг, и – прочь –
на Беловодье, где нависло
над тайной, скатываясь в ночь,
светило... Ты ведь знаешь эту
над сердцем огненную власть!
Она всегда грозит поэту
с Земли любимой в Небо пасть.

2013 г.

Владимиру Угрюмову

По касательной, по касательной –
речи тихой твоей полёт...
Я же выучена в спасатели:
время – в лоб, и пространство – влёт!
Но люблю твои строки вязкие,
рифм скользящих тёплую взвесь.
Твой причудливый мир – как в сказке – я
исходила, босая, весь.
Не смущает ни шутка шёпотом,
ни оброненный вдруг вопрос
в облака над тобой: «А что потом?» –
потому что жизнь на износ.

Потому что, как ни привязывай
к облакам неслучайный взгляд, –
этот вечный мир одноразовый
оборвётся, и наугад...

Дальше будет прямая линия,
обобщающая пути.

Нам, ведомым на «песнь козлиную»,
нерифмованно не уйти.

2013 г.

Агате Рыжовой

Тебе не хватает запахов,
друг мой, в твоих стихах:
Ни розы, ни псы у тебя
не пахнут и не смердят.
Ты из судьбы своей вырвись,
влейся не впопыхах
В совокупление улицы
мартовской и дождя.
И не боись, не простудишься,
ты ведь никто – поэт,
Ты – решето, сквозь которое
надо всему протечь:
Времени, дворникам, зяблику,
урне на склоне лет...
А у всего есть запахи,
то бишь – прямая речь.
Пахнет арбузной коркой
почки разувший клён,

Ну а под ним скамейка –
 шляпою старика,
Пёсьими телеграммами
 рядом разит газон,
Пыльный и непричёсанный
 жителями пока.

Скоро на нём проклюнется
 зеленюю молодняк,
Пряча от солнца стёклышки,
 пуговицы, бычки...
Запах вот этих пуговиц
 сводит с ума меня,
Но не сыскалось места им
 в русле твоей строки.

Кем они здесь потеряны?
 Чьи до сих пор персты
Снятся им неотъемлемо
 от забытья зимы?
Знаешь, они ведь кажутся
 мусором с высоты
Крепко пришитых пуговиц –
 тех, что, быть может, – мы.

Нас ещё, может, лапают,
 втискивают в петлю.
Мы ещё, может, держимся
 за послушанья нить...
Запахи – это тонкое
 жертвенное «люблю»,
Даже когда не хочется
 больше любить.

2014 г.

Александрю Ибрагимову

Хорошо с гениальным поэтом
Говорить о бытийном, простом:
О грибах ли тучняющим летом,
О грехах ли Великим постом...

Простоты бытия – что половы
В нашей провинциальной глуши.
Только острым, изысканным словом
Не затрагивай, гений, души.

Хоть она и проста, и убога,
И бытийность её – только миг...
Не касайся посланницы Бога –
Ни короны ея, ни вериг.

2006 г.

Поэту

Жди меня, и я приду опять
рифмы сеять, сплетни пожинать,
строфы вить в гордиевы узлы.
Жди меня, как корни ждут весны,
как о пробужденье бредят сны,
а о милосердии – кто злы.
Жди. Век ожидания – лишь миг
во вселенной. Я приду из книг,
проторив и радугой, и громом
путь к душе твоей. Она мне – свет,
без неё глаголать смысла нет,
только ей одной строка ведома...

Ну а коль нет света, то – прости:
все тогда источены пути,
все лады сердечные – без толку!
Господи, даруй потомкам свет
в душах! Ведь без света смысла нет
жертвовать ягнѣнка в пищу волку.
2018 г.

Из автобиографии

Родилась в 1956 году в Казахстане. Дочь советского офицера, я до 16 лет разделяла с родителями кочевье от Дальнего Востока до социалистической Германии. Видимо, это раз и навсегда избавило от местничества, но лишило понятия «малой родины». Моя – была большая, даже великая, причём любимая и желанная от невольной ностальгии последних пяти школьных лет, проведённых за зелёным забором с колючей проволокой в ГДР. Моя родина называлась Союз.

Когда разъезжались после выпускного бала, друзья спрашивали: «А почему – в Сибирь? Москва есть, Ленинград, Киев...» Отвечала: «Потому что в Сибири два с половиной человека на квадратный километр».

Новокузнецк начала 70-х полюбила сразу и прижилась. Тогда в Новокузнецке был «Бродвей» – проспект Metallургов, после 22.00 оживавший гуляющей молодежью.

Трудовое и творческое поприще началось сразу и бурно: почтальон, студентка пединститута (ин.яз), санитарка в хирургии, художник-оформитель на заводе, бутафор в Театре кукол, руководитель кружка декоративно-прикладного искусства в Доме пионеров, повараха в геологоразведке, техник-картограф в КТЭ, швея в монастыре, преподаватель основ профессионального творчества в профтехучилище и, наконец, – свободный художник в свободной стране (это – с иронией, естественно). Профессией стало одно: ко всему относиться творчески: к работе, за которую получаешь деньги, к замужеству, к материнству, к друзьям и врагам, к общению с новыми людьми, даже к проблемам и бедам в жизни, – как к поприщу, на котором не только «что посеешь – то пожнёшь», но и «не ведаешь, что обрящешь». Единственной нерешённой проблемой осталось отроческое «два с половиной человека на квадратный километр». То есть – не люблю «массовки», «тусовки», «совки»... Во всех этих аспектах вижу режиссуру (чаще всего – плохую), игру (по Цветаевой: не люблю театр) и корысть (заширменную, как правило).

Личность, личностные проявления и личностное восприятие, личные отношения с Богом и с миром – это не только кредо жизни для меня, но и оценочная система в отношении всего внешнего. Жучок, залетевший на подоконник, может быть личностью в моем восприятии, а несоответствующий занимаемой высокой должности чиновник – жучком навозным... Увы, но се ля ви в моем Союзе.

P.S. «Инакомыслящий» в СССР и «инок» в перестроечной мясорубке срослись во мне в одно целое: это просто личность человека, имеющего мировоззрение, не регламентированное с верхних этажей общества. Опытнo пройдя эти качества личности, смею заявить, что Поэт – это инакомыслящий инок. Всегда и везде. Позволить себе быть личностью, да еще и «наизнанку существовать» среди функционеров – это особый путь.

Содержание

Внутреннее – извне	4
«Почитай мне стихи Мандельштама...»	5
«Разве это нежность? Это нежить...»	6
«Звёзды идут на нерест...»	7
«Затягивает небо пеленою...»	8
«В снежной замети ёжась, рискуя...»	9
«Вот и стаяли серые глыбы апрельского снега...»	10
«Неймётся душе за пропиской и браком...»	11
«В неоне, в смоге, в неглиже реклам...»	12
«Мы под солнышком нынче маемся...»	13
«Спи, моё дитяtko: ягодка, лучик...»	14
«Белые волосы зимнего вечера...»	15
«...немножко есть. Допью, и будет классно!...»	16
След-в-след	17
«Боже мой! Поэтка – это просто...»	18
«Одиночество – сизый морозный туман...»	19
«Речка, реченька моя, речь...»	20
«У осени есть свои плюсы...»	21
«Причина творчества – любовь...»	22
«Прокатилась душа по судьбам поэтовым...»	23
«Сколько паясничать надо...»	24
Семнадцать лун	25
Назваться поэтом	36
«Нет, пока ещё осень...»	37
«Пешешествую по городу...»	38
«Просто уйти – не получится...»	40
«Это уже не вороний полёт, не сорочий...»	41
«Жили бы – не тужили бы...»	41
«Шамань! Удержи потомков...»	42
«На эту глубину выходят не всегда...»	43
«Ты знаешь? – пишутся стихи...»	44
«По касательной, по касательной...»	44
«Тебе не хватает запахов...»	45
«Хорошо с гениальным поэтом...»	47
«Жди меня, и я приду опять...»	47
Из автобиографии	49

Отзывы на книгу (тем более критические замечания) автор просит присылать на адрес издателя этой книги kontaktnik@yandex.ru. Сама Николаева электронной почты не имеет, позиционируя себя как «труднодоступную женщину» ☺, работает над итоговой книгой аналитической «заточки», поэтому ни один «инакий» взгляд на вопросы художественной литературы ей не безразличен.

На первой странице обложки – рисунок автора

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»